

ИННА ТРОНИНА
Закадычные

Декабрь 2000-го года, Петербург. У бывшего подводника, капитана первого ранга в отставке Максимова убита жена, и ограблена квартира. Розыски преступников результатов не дали, все подозреваемые доказали свое алиби.

Не желая успокаиваться на этом, муж и сын погибшей обратились в частную розыскную фирму, где работала Оксана Бабенко. Сыщице удалось отвести подозрение от пропавшей без вести невестки Максимова Зои, которая к моменту совершения преступления сама была мертва...

Инна Трoнина

Закадычные

Глава 1

На этот раз Оксане не повезло. В купе «Красной стрелы» оказались одни старушки, которые всю дорогу, старательно изображая из себя интеллигенток, выпендривались друг перед другом. Они сыпали именами писателей, композиторов и художников. Причём тон их был покровительственно-небрежным, словно все знаменитости в детстве гуляли с этими бабушками за ручку. До трёх часов ночи, уже лёжа в постелях, петербурженки пели арии и читали стихи, въедливо обсуждали новинки прозаиков, визгливо ругали нынешних бездарных поэтов. Старушки договорились вместе ходить на выставки; а напоследок высказали всё, что думали, о зажавшихся москвичах. На то, что к презренному сословию относилась их молодая попутчица, они не обращали никакого внимания.

А ведь Оксана покорно забралась на верхнюю полку, хотя имела билет на нижнее место. Она честно искала в других купе желающих поменяться местами с третьей соседкой, но не нашла, и те очень обиделись. Пришлось помогать самой худенькой из

попутчиц взгромоздиться наверх, а перед тем ещё возвращать проводнику четыре пустых стакана из-под чая — у бабушек болели ноги. Правда, это не помешало им совсем недавно повеселиться на карнавале по случаю Дня города, а после навестить в столице дальних родственников. Назавтра они, новой компанией, собирались поминать Пушкина. Обсудив последние питерские новости, бабушки со снисходительным сожалением уставились на молчаливую девушку, которая, конечно же, ни бельмеса не понимала в их умных беседах, и отошли ко сну.

Как только поезд прибыл в Питер, Оксана, подхватив дорожную сумку, бросилась вон из купе, даже не обернувшись, не простившись с возмущёнными её невоспитанностью старушками. С раннего утра ей пришлось курить в тамбуре, чтобы снова не выслушивать откровения соседок. Те были уже, как родные, и не замолкали ни на секунду.

Оксана ехала в Петербург не развлекаться, а работать, и поэтому не собиралась сдавать этим мымрам экзамен на право называться цивилизованным человеком. Ей не исполнилось и двадцати шести, а она уже была вице-президентом солидной частной охранно-розыскной фирмы, заканчивала обучение на пятом курсе университета. А отставная билетёрша из Мариинского театра,

библиотекарша из «Публички» и бывшая учительница русского языка и литературы в средней школе откровенно презирали её, считая дурой, неучем и шлюхой. Бабульки не знали, что делать со своей длинной жизнью. Им было мучительно нечем заняться, и потому каждая выпросила у родственников деньги на поездку в Москву или хотя бы на обратный билет.

А Оксане пришлось выкраивать несколько часов, чтобы отметить день рождения дочери — Октябрине исполнилось семь лет. Потом Оксана умчалась в командировку — сначала в Киев, где жили родные, а после — в Петербург. В центральном офисе их агентства ей, вероятно, и придётся жить. Сколько дней продлится командировка, неясно. Дело, несмотря на кажущуюся банальность, может оказаться неожиданно сложным. Да и основание для поездки выглядит достаточно хлипко.

Оксана даже не знала, пожелают ли клиенты заключить с ней договор, но на всякий случай положила в сумку чистые бланки с печатями. Она и вырвалась из Москвы только потому, что уж очень просил об этом закадычный друг Руслан Величко, обучавшийся в Ломоносовском морском колледже. Руслана Оксана знала седьмой год, любила его и старалась по возможности помочь парню.

Питерское несчастье случилось полгода назад,

и поначалу милиция работала интенсивно. Но со временем её пыл погас, и стражи порядка всё чаще отделялись дежурными фразами, отписками, туманными обещаниями. А горе потерпевших становилось всё более мучительным, безнадежным, серым, как плотный осенний туман.

Руслан переживал трагедию семьи Максимовых, как свою собственную, потому что успел привязаться к этим людям. В Москве мальчишку никто не ждал. Его молодая красавица-мать ушла из жизни в ноябре прошлого года. Её часто колотили сердечные приступы, но причиной смерти стало самоубийство. Некоторые эксперты, впрочем, склонялись к версии несчастного случая. В очередной раз наглотавшись антидепрессантов, она шагнула в пустоту с лоджии своей квартиры. Отчим, профессор-экономист Олег Павлович через три месяца после этого ушёл к своей давней любовнице, а совсем недавно расписался с ней.

Руслан во всём винил себя — не придавал значения словам матери о том, что она умрёт, если сын уедет от неё. А Руслан решил пойти по стопам деда, моряка-подводника, контр-адмирала Ваганова; Татьяна же была резко против. После недавней аварии на «Курске» она и слышать не хотела ни о каких лодках, а когда сын всё-таки настоял на своём, окончательно сорвалась. Стала

искать утешения у сомнительных целителей, которые, в итоге, и спровоцировали роковой приступ...

Глава семьи Максимовых, долгие годы служивший бок о бок с Василием Петровичем Вагановым, пригрел Руслана в полном смысле этого слова. В увольнительные парень приезжал из колледжа к ним. Валентина Матвеевна опекала его — кормила, обстирывала, жалела. Понимала, как тяжело сиротинушке жить на белом свете. Сама воспитывалась в детдоме, а совсем недавно, потеряв невестку, приняла в дом внучку Алину. Взяла под крыло и её, и Руслана, а вскоре погибла. Была задушена в собственной квартире неизвестным ублюдком, который ещё и ограбил жертву. Унёс из тайника все сбережения семьи — около пятнадцати тысяч долларов. Напуганная дефолтом Валентина побоялась доверить их банку.

Но безутешный вдовец Владимир Игнатьевич уже не вспоминал о деньгах, несмотря на то, что средства были последние, невозполнимые. Он жаждал только одного — найти убийцу своей жены, с которой они ни разу не изменили друг другу. И это несмотря на частые отлучки главы семьи, на дальние походы, на тяжёлую, почти фронтовую жизнь.

В темноте и холоде заполярного гарнизона они растили сына, мечтали вернуться в Ленинград.

И мечта сбылась, только недолго пришлось им копаться на грядках и ходить по грибы, наслаждаясь честно заслуженным отдыхом. И если у капитана первого ранга в отставке, каперанга, как называл он себя, ещё находились силы жить и дышать, то только для того, чтобы увидеть убийцу и плюнуть ему в лицо. К сожалению, ничего другого морской волк Максимов сделать с негодяем не мог — не имел права по закону.

Оксана вышла на перрон Московского вокзала. Он был мокрый то ли от дождя, то ли от утренней росы. Здесь, в центре города, около загазованного Невского, сильно пахло сиренью, свежей листвой, вспаханной землёй. Оксана подумала, что этот год будет урожайный, раз в начале лета столько солнца, земли и влаги.

— Привет! Ты чего, не узнаёшь меня?

Руслан Величко, как и обещал, сумел вырваться из колледжа. Он хотел лично познакомиться Алину Максимову с московской сыщицей. Чтобы не привлекать к себе ненужное внимание, Руслан переоделся в гражданское. На этот случай он хранил у Максимовых чёрные джинсы, спортивную куртку, линялую лиловую майку и бейсболку. Непривычно короткая стрижка делала его взрослым и незнакомым.

Оксана заметила, что со времени их последнего свидания парень возмужал, голос его

стал грубее, а в тёмных глазах появилась взрослая озабоченность, даже печаль. Вот уже семь месяцев Руслан мог надеяться только на себя, да ещё на Максимовых, потому что Владимир Игнатьевич глубоко почитал его деда.

Рядом с Русланом стояла девчонка в полиэстровом бело-синем полосатом платье, туго обтягивающем почти бесплотную фигурку. Туфли с мощной платформой неважно смотрелись на тонких, уже загорелых ногах; ей пошла бы более изящная обувь. Чёрные прямые волосы до плеч, подстриженные в стиле «каре», продолговатые карие глаза, закруглённый носик и розовая помада на пухлых губах — всё это мигом заметила Оксана и улыбнулась девчонке.

Приветствия, знакомство, разговоры о личном — всё это заняло совсем мало времени, и Руслан тут же взял быка за рога.

— Я в увольнении до двух, а у Алины консультации перед экзаменом. Надо быстрее ехать домой, и по дороге мы тебе всё объясним. Я адресок следователя дам, и телефончик её домашний...

Алина Максимова молча пошла рядом с Оксаной по перрону. Право говорить с сыщицей она уступила Руслану, который больше всего боялся вопросов о матери, о семье. Но Оксана и без того знала, что живётся мальчишке несладко. Если

даже у Оксаны при воспоминании о безвременной кончине Тани Величко болезненно сжимается сердце, то можно представить, что чувствует Руська; он так любил свою мать! Ей только исполнилось тридцать пять. Оксана в жизни не встречала такого приятного, культурного и в то же время сложного человека.

Да и Алине не стоит лишний раз беречь душу. Как говорил Руслан, её мать в августе прошлого года уехала из посёлка при военно-морской базе в свой родной Волгоград, но там не появилась и бесследно пропала. До сих пор о ней не поступало никаких сведений. Оксана знала всё от Руслана — он отправил в Москву длинное письмо. Очень просил разобраться в причинах гибели Алининой бабушки, потому что милиция явно потеряла интерес к очередному «глухарю». Ради справедливости, Руслан отметил, что сначала менты многих задержали по подозрению в совершении преступления, но потом всех пришлось отпустить из-за недостатка улик.

— Мы сейчас куда?

Оксана хотела сразу же войти в курс дела. Руслана и Алину требовалось отвлечь от горьких раздумий, и Оксана решила добиться этого путём их вовлечения в процесс расследования. В основном, конечно, вопросы были адресованы Алине, потому что именно она обнаружила

Валентину Матвеевну мёртвой в тот декабрьский день. Из письма Руслана Оксана знала суть дела, но подробностей там не было. Руслан считал, что Оксана и сама сумеет получить нужные показания.

— Здесь недалеко. На четвёртой остановке выходим. Станция «Лесная», там Алина живёт. Если хочешь, можешь у них остановиться. — Видимо, Руслан обсудил этот вопрос с хозяевами квартиры. — Тебе удобнее будет, чем в Лахте. Парголовская улица совсем рядом с метро, а так тебе придётся на дорогу много времени тратить...

— Сколько у вас комнат?

Оксана остановилась в центре громадного зала — точно такого же, как на Ленинградском вокзале Москвы — около бюста Петра Первого. Почему-то вход с платформ перекрыли, и им предстояло идти к метро в обход.

— Три. Две смежные, одна отдельная. Там вас и поселим! — энергично заявила Алина.

Наверное, Руслан заставил её поверить во всемогущество рыжеволосой молодой женщины, приехавшей из Москвы, чтобы помочь им. Алине в Оксане нравилось всё, а особенно — стильный, табачного цвета, брючный костюм и модные туфли на широком резном каблуке.

Оксана вела себя уверенно, говорила бодро и весело; и потому казалось, что она обязательно найдёт убийцу. Москвичка словно прочитала её

мысли и не на шутку испугалась — а вдруг не получится? Тогда у худенькой девчушки пропадёт последняя надежда на милость судьбы...

— Я подумаю. — Оксана лихорадочно соображала, как вести себя дальше. — А народу сколько? Я вас не стесню?

— Нет, мы поместимся! — горячо заверила Алина. — Дедушка и папа пока проживут вместе. Ничего страшного, лишь бы вам подошло!

— Тебе жетон или карту взять? — Руслан пропустил дам в дверь, вошёл сам. — У тебя же милицейской ксивы нет?

— Нет, конечно, всё за свои кровные, — вздохнула Оксана. — Бери пока жетон, а потом посмотрим.

Она уже решила принять предложение Максимовых. Преимущество налицо — можно будет постоянно находиться в контакте с членами семьи погибшей, всё время видеть перед собой место происшествия. Кроме того, появится возможность пообщаться с соседями, в среде которых вращалась Валентина Матвеевна. И, наконец, всегда полезно дышать тем воздухом, ходить по тем улицам. В лахтинском офисе, конечно, можно жить, но придётся много времени тратить на дорогу и телефонные переговоры с Максимовыми. О гостинице и заикаться нечего — в лучшем случае, соседи спать не дадут.

Длинноногую рыжую бестию всегда принимали за дорогую проститутку и начинали предлагать своё общество. В такой обстановке нельзя сосредоточиться, а это для сыщика самое главное.

Сначала нужно собрать факты, а потом поработать над ними; и лучше всего делать это не под телефонный перезвон и треск выламываемой двери. Скорее всего, Максимовы договор заключат, раз проявляют сильную заинтересованность и приглашают к себе жить.

— Хорошо, Алина, я остановлюсь у вас. Сколько жетон стоит?

— Пять рублей, — буркнул Руслан. — Вот, держи, я впрок купил.

— Получи. — Оксана, преодолевая сопротивление, сунула ему монету. — И не плати больше за меня, а то потом трудно будет составлять отчёт по командировке. Сейчас и начнём, чего тянуть!..

Они вошли на эскалатор, и Оксана приступила к работе.

— Алина, я понимаю, каково тебе всё это вспоминать. Но раз я приехала, придётся давать показания, иначе я не смогу нормально работать. Попробуй восстановить картину случившегося в тот день.

— Естественно, я всё расскажу! — Алина закусила губу, но всё-таки коротко, стыдливо

всхлипнула. — Я столько раз говорила это под протокол! И Милявской в прокуратуре, и ментам. Полный шиш. Хуже уже не будет.

— Милявская — следователь? Ты про неё говорил? — обернулась Оксана к Руслану. Тот молча кивнул. — Адрес и телефон у тебя с собой? — Не успела она окончить фразу, как Руслан достал из кармана куртки визитку. — Галина Семёновна её звать? Живёт на Большом Сампсоньевском? Хорошо бы не в прокуратуре с ней встретиться...

— Это недалеко от них. — Руслан покосился на Алину. — Столкуетесь.

— Надеюсь. Алина расскажет, как всё было в тот день? Со всеми подробностями, какие только сможет вспомнить. Протокол я не составляю, не тороплю, не давлу. Просто слушаю. И так?..

Они стояли в толпе на перроне, и щёки обдувал пресный сухой ветерок. Вот-вот к станции «Площадь Восстания» должен был подойти поезд — свет его прожекторов позолотил чёрный зев туннеля.

Здесь, на станции пересадки, вышло много народу, и освободился целый диванчик в углу вагона. Все трое немедленно уселись туда, не обращая внимания на толстых тёток с тележками, сошедших с пригородных электричек. Оксана пыталась прогнать подальше предательский страх

— а стоит ли братья? Не отказаться ли сейчас, пока Максимовы не втянулись в процесс? Да, они утратили последнюю надежду на милицию и прокуратуру, и потому готовы выполнять все прихоти частной сыщицы. Но раз не вышло у тех, то почему Оксана смеет надеяться на успех? А вдруг на сей раз в Питере ждёт позорное фиаско? И перед Руськой стыдно — он так её уважает...

Но Алина уже заговорила, стараясь перекричать грохот поезда; он искажал, заглушал слова. И, хотя нужды в этом не было, Оксана по привычке проверяла «хвост».

— Тринадцатого декабря была среда...

Сидящая в центре Алина почти прижалась губами к Оксаниному уху. Руслан делал вид, что изучает рекламу магазина «Три толстяка» и лекарственного средства для улучшения зрения. Но и он на всякий случай проверял, не проявляет ли кто-нибудь нездоровый интерес к их маленькой компании.

— У нас в девятом классе уроки поздно закончились. А я ещё после гриппа вышла, надо было въезжать во многие темы. С девчонками поболтали на крылечке. Школа к дому близко, один квартал всего. Погода была дурацкая — зима, темно, а снега нет...

— Ты в той школе первый год училась? — перебила Оксана. Доставать блокнот не стала,

понадеявшись на память. — Подруги уже появились?

— Да. Меня а августе папа привёз к бабушке с дедом. Когда мама... — Алина запнулась. — А до этого училась там, в гарнизоне. Короче, в папино положение вошли, приняли по месту жительства дедушки. Здесь, конечно, лучше. Хотя бы не такой хлеб, как в посёлке. Я подружилась с двумя девчонками, и с ними в тот день была.

— Имена ты назовёшь после, — решила Оксана. — Их тоже проверить надо.

— Зачем? — удивилась Алина. — Они и дома у нас никогда не были!

— На всякий случай. Значит, ты не сразу пошла из школы домой, а погуляла с подругами. И сколько времени вы на это потратили?

— Полчаса. Ну, может, минут сорок. Мы часто к «Лесной» ходили — за семечками, за жвачкой, кое-кто за сигаретами. Тогда там маленький рынок был; весной его убрали. И масса ларьков, палаток, прилавков — сами увидите, когда приедем. В подземном переходе целый комплекс, несколько круглосуточных магазинов. Короче, время клёво можно провести, и практически всё купить. А в тот день меня бабушка загрузила под завязку. После нас с дедом она сама гриппом заболела, на улицу выйти не могла. Папа в гарнизоне, а дедушка к приятелю на «золотую»

свадьбу пошёл. Тот, кажется, тоже с ним и дедом Руслана на подлодке ходил. Бабушка тоже собиралась, но у неё вдруг поднялась температура. Дед хотел уже позвонить, отказаться, но она рогом упёрлась. Иди, говорит, а то неудобно. Мы с Булавиными столько лет вместе лямку тянули! Уже и подарок купили, и хризантемы лиловые. А Евгении, золотой юбилярше, передай, что я навещу её, как только встану. Чайку вместе хотели попить...

Алина охрипла, закашлялась. Руслан украдкой сунул ей в руку носовой платок. Поезд остановился у станции «Площадь Ленина», и практически все пассажиры вывалились на платформу. Значит, проехали Финляндский вокзал. Оксана знала питерское метро чуть похуже московского и, между прочим, вела совершенно ненужные сейчас наблюдения.

— Короче, дед уехал, как он говорит, в половине третьего. А в три Булавины начинали свадьбу справлять. Они живут недалеко от нас, на улице Комсомола. Я вернулась в четыре. За сметаной зашла, за хлебом, за спичками. Да, ещё в щи томат купила. Во дворе с девчонками постояли, покурили...

— Ты куришь? — Оксана не выражала тоном ни интереса, ни осуждения.

— Если только за компанию, — уклончиво

ответила Алина.

— Ладно, не моё дело. Я и сама курю, — успокоила её Оксана. — Вы, пока во дворе стояли, ничего подозрительного не заметили? Например, посторонние люди во дворе не появлялись? Машины, которых раньше не было, с улицы не заезжали? Вот такого рода факты меня интересуют...

— Нет, мы не заметили никого.

Алина отвечала на подобный вопрос не впервые, и потому всё многократно обдумала.

— Мы бы и подольше простояли, но на улице хрень какая-то была. Туман, грязь, выхлопами воняет. По-моему, во дворе вообще никто не появлялся. А машины... Машины как бы все наши, новых не заметила. После того, как всё случилось, торгашей с рынка затаскали; думали, что они. Но потом и это сорвалось...

— Ты точно вернулась в четыре? Или уже с минутами?

Оксане уже надоело различать слова в лязгающем грохоте, но ехать и молчать было глупо.

— Ну, может, десять минут пятого. Я тогда на часы не смотрела. Поднимаюсь по лестнице и представляю уже, как бабуля выделяваться начнёт. Если бы знать!..

Алина вытянула на середину вагона тонкие смуглые ноги в тяжелой обуви. Интересно, чьи

это босоножки — её или мамины? Да и платье, вроде, не по нынешней моде. Живёт девочка-подросток без женской заботы, без присмотра, и всякое может с ней случиться.

Оксана вспомнила, как в восемнадцать лет сама осталась круглой сиротой. Да ещё и беременная, да ещё с тремя младшими на руках!.. Алине всё же лучше, у неё есть отец и дед. Есть надёжный друг Руслан Величко, который и сейчас, прислушиваясь к разговору, переживает за неё.

— Если бы знать! — повторила Алина, смаргивая слёзы с ресниц. Вытерла глаза платком Руслана, и на запястье звякнул простенький цепочечный браслет. — Я так думала... А её уже не было!..

— Приехали! — объявил Руслан, когда вагон остановился у очередной станции, и мигнули плафоны под потолком. — Здесь выходят все. Дальше идёт размыв на линии, но нам это по барабану.

Они медленно шли к эскалатору, ожидая, когда плотная толпа рассосётся, и можно будет без проблем подняться наверх.

— Если твой дед ушёл из дома в половине третьего, а ты вернулась в начале пятого, прошло меньше двух часов. Эксперты установили примерное время смерти?

— Врачи сказали, что около трёх — в начале

четвёртого. Точнее было не определить. У неё ведь сильный жар был, — сразу же ответил Руслан. — Я, как только смог, сразу же к ним приехал. Бегал на сотое почтовое отделение, по той же улице, — телеграмму Леониду дал.

— Леонид — это мой папа, — объяснила Алина. — Он тогда из-за мамы очень переживал. Она ведь с концами исчезла. А тут ещё бабушка... Короче, я дверь открыла и слышу — собака воеет. Наша Грета. Я сразу же подумала, что плохое случилось. Грета наша весёлая, очень спокойная чёрная пуделиха. Я всегда с ней гуляла, но в тот день дед обещал сводить её пораньше, ещё до гостей. Очень уж мучиться она не должна была. И чтобы так выть!.. С надрывом, прямо-таки со слезами, с визгом, как от боли.

— Дверь открывалась нормально, как всегда? Ключ поворачивался свободно? Ничего не мешало? А, может, наоборот, дверь не была заперта?

Стоя на эскалаторе, Оксана наклонилась к Алине. Совсем скоро они должны были оказаться в квартире, где всё и произошло.

— Совершенно нормально. Меня уже про это спрашивали. Никаких опилок, царапин, железок в замке. Дверь у нас с секретом — чтобы запереть, нужно кнопку нажать под ручкой. Все нажато было, как обычно.

— Интересно. — Оксана сошла с эскалатора и

пошла на выход вместе с толпой.

У остановки людской поток разделялся. Кто-то оставался ждать автобус или троллейбус, кто-то отправлялся обследовать те самые лотки и палатки, о которых упоминала Алина. Здесь тоже пахло сиренью. Шумели под порывами ветра кусты, хлопали полосатые тенты над столиками. Торговля шла точно так же, как и в Москве; Оксане показалось, что она никуда и не уезжала.

Широкая, больше похожая на проспект, улица, с высотным зданием вдалеке, тоже напоминала столичную. И народу тут было по-московски много — приходилось проталкиваться, огрызаться, наступать на чьи-то ноги и беречь свои. Толпа втискивалась в транспорт, чтобы ехать дальше, на отрезанную размывом Гражданку.

На какое-то время Оксана отвлеклась, но быстро вернулась к разговору.

— Выходит, кнопка была нажата?

— Да. Потому что, если не нажать, дверь не закрётся. Это не французский замок, где достаточно дверью просто хлопнуть...

— Получается, что уходящий из квартиры знал про эту кнопку, — пробормотала Оксана. — Ты слышала вой собаки. Что дальше?

— Ну, и я, короче, вбежала — света нигде нет. А бабушка всегда торшер оставляла или бра. Она

могла и заснуть, болела всё-таки. Но почему Грета воет? Я как-то не верила, что бабушка может умереть. Ну, грипп и всё такое, так ведь температура-то у неё была всего тридцать восемь. Я кричу: «Бабуль!» Никто не отвечает. А Грета скребётся в ванной. Услышала, что я пришла, заскулила. Я свет в прихожей зажгла, смотрю — дверь в ванную заперта на наружную задвижку. Они у нас не только внутри, но и со стороны коридора. Дед приделал, когда у них до Греты «кавказец» жил, Цезарь. Его надо было запирать, когда гости приходили. А Грету мы туда никогда не заталкивали, она ведь безобидная, добрая. Прыгала всегда вокруг соседей, лапы им на плечи ставила. Очень любила играть. А сейчас грустная такая ходит — вы сами увидите. Короче, открываю дверь в ванную, и Грета вылетает оттуда; чуть меня не повалила. И сразу в комнату... Я сумку на пол поставила и за ней — прямо в куртке и в сапогах. Зажгла люстру, все плафоны. Сперва мне казалось, что бабушка спит. Самое главное, что на ограбление совсем не похоже. Там вещи по комнате раскиданы, всё перевёрнуто, а тут — полный порядок. Мебель на своих местах, ни один пузырёк с лекарством не опрокинут. Бабушка лежит на диване под одеялом. И на лбу — компресс...

Алина не сдержалась и заплакала. Оксана её не успокаивала, понимая, что это бесполезно. Да и

как запретить человеку страдать?

— Она была почти с головой одеялом покрыта. Я подумала, что замёрзла, знобит. Грета тут же к ней кинулась, зубами, лапами одеяло стащила. Я стою столбом, ничего не понимаю. Бабушка-то проснуться должна, раз свет кругом, шум. А она молчит, не двигается. А когда одеяло свалилось, и компресс тоже, я заорала от ужаса. Соседи рассказывали, что тот дикий вопль только и слышали, а до тех пор — ничего. Их тоже Милявская допрашивала, а ещё раньше из двадцатого отдела милиции приезжали. Никаких криков в квартире не было, стулья не падали. Вроде бы, тихонько разговаривали. Может, телик работал. Я сразу же увидела. Что у бабушки всё лицо синее, а на шее — пояс от халата, её же собственного. Кончик языка прикушен, один глаз широко открыт, а другой — чуть-чуть. Руки связаны спереди шарфом, которым она утром горло замотала. Это мамин шарф был, папа привёз с Севера. Тёплый, пушистый... Но теперь мы к нему не прикасаемся, боимся. И выбросить жалко — очень хороший мохер, мама сама вязала. У меня почти такой же есть.

Они уже пришли во двор дома Максимовых и стояли возле подъезда. Хрущёвская пятиэтажка отличалась от прочих тем, что была как бы покрыта бронзовой чешуёй. Оглядевшись по сторонам,

Оксана заметила, что здесь все дома такие же. Ничего подобного она ни в Москве, ни в других городах не видела.

Двор Оксане понравился — много зелени, тихо, несмотря на близость крупной магистрали, станции метро и торговых рядов. Та же сирень, клёны, акации, есть даже дубок. Всё цветёт, пахнет, наливаются соками, как бывает только ранним летом. И всё же полгода назад именно здесь произошло убийство, тем более ужасное, что раскрыть его не удалось до сих пор. Значит, преступник тщательно подготовился, удачно замёл следы. И не понёс наказания! Ходит по земле, может быть, совсем рядом. Ведь дверь не была взломана, а после совершения убийства и кражи закрыта с помощью кнопочки. Залётные грабители так не поступают, да и шума от них куда больше. Скорее всего, Максимова открыла дверь сама...

— Я, когда немножко в себя пришла, сразу же про деньги вспомнила, — продолжала Алина шёпотом, чтобы не услышали соседи.

С утра во дворе было много народу, в основном пенсионеры, да ещё одна женщина с коляской. Все они с любопытством смотрели на незнакомую высокую девушку в модном костюме, с дорожной сумкой через плечо. Их так и подмывало узнать у Алины, кто же это такая, но прямо спросить они стеснялись. Сидели и

перешёптывались, строя всевозможные догадки и пожимая плечами.

— Баксы в тайнике хранились, и его не найти просто так. Нужно отодвинуть тумбочку, знать, на какую плашку нажать. Я сама не сразу запомнила. Там сучок был, чтобы не спутать. Тут обернулась — тумбочка на месте стоит. Всё равно решила проверить, только бы на бабушку не смотреть!..

Алина сжала кулачки, стараясь не плакать в присутствии чужого человека. Руслан мрачно смотрел на любопытных соседей, всем своим видом давая понять, что лишние вопросы здесь неуместны.

— Потом меня менты ругали... Трогать же ничего нельзя. А в тайнике пусто было. Дедушка на него очень надеялся. Думал, что в других местах воры найдут деньги, а там — нет. Если не знать про укрытие, ни за что не догадаться! Ещё шкатулка в доме была, на простой замочек закрывалась. Ключ бабушка где-то прятала, я даже не знаю. Там её украшения хранились, и мамины тоже. Бабуля говорила, что мне всё останется... Алина махнула рукой, словно с кем-то спорила. — А вот со шкатулки замок был сбит! И внутри — тоже ничего! Все бусы, серёжки, кольца спёрли! На них-то наплевать, конечно, хоть мы и не миллиардеры. Но бабушка-то!.. Нет её больше! И ни одного отпечатка не нашли! Сколько

драгоценностей было, я точно не знаю. Папа с дедушкой под протокол говорили. А в тайнике точно пятнадцать тысяч баксов — за дачу, за машину... Хотели нашу квартиру с доплатой на четырехкомнатную поменять. Чтобы всем вместе жить, когда папа со службы уволится. Бабушка с дедом продали всё, что могли. Дед раньше много получал, пока в отставку не вышел...

— Пойдёмте в квартиру, — предложил Руслан.

Он раньше других увидел, что приближается пожилая, но ещё весьма привлекательная особа в пиджаке, отделанном чёрным бархатом, и в слишком узкой для её плотного тела юбке. Песочного цвета волосы были уложены одной эффектной волной, коралловые губы приветливо улыбались. Глаза прятались за огромными линзами солнцезащитных очков «стрекоза». У ног женщины вертелась белоснежная болонка, которая тут же, заметив маленькую компанию, стала напрашиваться на угощение. Не добившись желаемого сразу, болонка затанцевала на задних лапках.

— Мне на консультацию к двенадцати! — звонко хлопнула себя по лбу Алина. — И Руське пора переодеваться. Опоздаешь из увольнения — нарядами замордуют. Пойдёмте...

— Доброе утро, Алиночка! — пропела

женщина в жакете и сладко улыбнулась. — У вас гости? Русика я знаю...

— А это — Оксана, мамина родственница из Волгограда, — быстро сказала Алина.

Оксана поняла, что Максимовы уже придумали легенду, не желая оповещать весь дом о прибытии московской сыщицы.

— На неделю в гости приехала. Никогда раньше в Питере не бывала.

— Вам у нас понравится! — радушно пообещала толстуха. — Меня зовут Елена Николаевна, мы с Алиной соседи. На одной лестнице живём...

— Очень приятно познакомиться! — раскланялась Оксана. — Какой пёсик славненький! Мальчик или девочка?

Елена Николаевна не успела ответить. Болонка задрала ногу и описала стену как раз около парадного.

— Как видите, мальчик! — рассмеялась хозяйка. — Зовут Томас. Ну, не будем вам мешать. Пойдём, Томми, пусть ребятишки поболтают. — Она хотела ещё о чём-то спросить, но передумала.

— Пронесло, блин! — пробормотал Руслан, открывая дверь. — Давайте, шевелитесь, а то действительно опоздаем. Больше Алина ничего рассказать не может. Разве что как деду звонила — туда, в гости. Дальше милиция приехала,

Милявская из прокуратуры. У неё подробности узнаешь; она обещала поделиться информацией. И Леонида с Владимиром Игнатьевичем поспрашиваешь. Они тебя ждут, хотят позавтракать вместе.

Поднявшись на третий этаж, они подошли к окну и увидели, как Елена Николаевна, прижав к себе Томаса, на всех парах спешит к трясущимся от нетерпения соседкам. Судя по всему, она жаждала поделиться добытыми сведениями, и бабульки жадными глазами смотрели на счастливицу.

— Что в Москве, что в Питере — одна деревня! — зло сказал Руслан, плюнул в открытое окно и первым поднялся к квартире Максимовых.

* * *

Стоящий в углу транзистор голосом Тани Булановой тихонько пел «Серебристый тополь», и от грустной песни собравшиеся за столом окончательно приуныли. Даже коралловый попугай, купленный два месяца назад на день рождения Алины, повесил пёрышки и перестал раскачиваться в кольце. Его хозяйка убежала на консультацию в школу, Руслан уехал в училище, и Оксану принимали только Владимир Игнатьевич с Леонидом.

Оба по такому случаю надели парадную

форму, и Оксана даже слегка смутилась. За столом, уставленным салатами, соленьями и бутербродами со всевозможной икрой, сидели два капитана в чёрных с золотом кителях. У одного на погонах было три звезды, а у другого — одна, и у каждого — по два просвета. Леонид уже открыл высокую прозрачную бутылку водки. Позади остались три тоста, в том числе и за тех, кто в море. Сегодня Оксана впервые узнала, что в этом случае чокаться ни в коем случае нельзя. В море — не обязательно в плавании; так говорят и о погибших.

— А вот это — мамочке, — буднично сказал Владимир Игнатьевич.

Он вылез из-за стола, неловко поднялся и, покачиваясь, пошёл к большому фотопортрету, установленному на комод. Оксане показалось, что глава семьи «поддал» ещё до её приезда, потому что бывалого человека с трёх небольших рюмок так развезти не могло.

— Выпей с нами, Валюшка! — Максимов поднял со стакана кусочек хлеба и наполнил его почти до краёв. — Верим, что Оксана Валерьевна сможет разобраться во всём. А ты порадуешься... — Максимов заплакал, уткнувшись лбом в портрет.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, — говорил между тем Леонид Владимирович, широким взмахом руки обводя выставленные припасы. — Вы

же, наверное, не завтракали. Поезд рано приходит. Без пяти восемь, кажется?

— Да, мы точно по расписанию прибыли.

Оксана действительно хотела есть, но набивать брюхо на виду у двух несчастных мужиков стеснялась. Интересно, кто им всё это приготовил? Не может быть, что сами. Наверное, соседок попросили. Впрочем, встречаются мужчины, помешанные на кулинарии.

— Это ещё ничего. Я вот из Мурманска двенадцатым поездом в половине шестого утра приехал. — Леонид говорил, а сам смотрел на отца. Тот застыл, согнувшись, и плечи его вздрагивали. — Батя, картошка стынет!

— А?! — встрепенулся отец. — Да-да, иду. Иду, сынок.

И так же неуверенно, дрожа всем телом, вернулся на своё место. Долго хлопал по столу, как слепой, будучи не в силах найти нож и вилку.

Оксана, устроив подбородок на кулаках, изучала лицо Валентины Матвеевны. И не находила в нём деталей, за которые можно было бы уцепиться. Она никогда не обратила бы внимания на такую женщину в транспорте или в магазине. Максимуму трудно было нарисовать; о ней, наверное, и рассказать-то толком нечего. Вся биография уместится в трёх-четырёх строчках. Типичная офицерская жена, придаток бравого

подводника. А поди ж ты — какую заслужила любовь! Муж с лица сошёл, еле передвигается после нервного потрясения, плохо слышит, то и дело отключается. А случись несчастье с ней, красавицей и умницей Оксаной Бабенко, — и не найдётся мужчины, который бы так страдал.

Владимир Игнатьевич был сухопар, подтянут, несмотря на ужасное душевное состояние; коротко подстрижен. Раньше, наверное, он часто улыбался, шутил. А сейчас его тонковатые губы лишь вздрагивали, но никак не могли сложиться должным образом. И тогда каперанг закрывал рот большой ладонью. У него были прозрачные светло-серые глаза, еле заметные брови, прямой нос, мощный подбородок. Примерно таким Оксана и представляла себе друга контр-адмирала Василия Ваганова, дедушки Руслана.

А вот Леонид пошёл в мать — тёмный шатен с карими глазами и с усами подковой. Уже лысеющий и от того ещё более грустный. Казалось, он думает свою тайную думу, и вспоминает не столько о матери, сколько о ком-то другом. Ах, да, у него без вести пропала жена. В один год две таких потери на одну семью...

— Високосный год, — будто угадал её мысли Владимир Игнатьевич. — Поневоле поверишь в разную чертовщину. Да ещё эти три нуля на конце — нечасто такое бывает! А Валюшка последнее

время в церковь зачастила. Без «Отче наш» не выходила из дома. Особенно после того, как сноха пропала. Лампадка в углу горела, иконы висели. Я всё потом поснимал. Зачем они, раз не сберегли? Я никогда бы не подумал, что мать уверует. Комсомолочка была заводная, весёлая — всегда в гуще событий. Очень гордилась, что родилась седьмого ноября. До всех ей дело было. Она в бухгалтерии нашего училища работала, а жила в общежитии. В детдоме обещали ей комнату. Дали потом на Петроградской, когда мы поженились. На Ординарной улице...

— Батя, давай сначала с формальностями закончим, — прервал монолог отца Леонид. — Оксана, мы с вами заключим договор. Хоть от моего имени, хоть от батиного. Когда Руслан предложил обратиться к вам, мы долго думали. Сами понимаете, после того, что случилось, с деньгами у нас негусто. Ваша контора частная, благотворительностью не занимается. Но потом всё же решили извернуться и сумму выкроить. Чтобы упырей этих наказали по заслугам, и матери спокойно лежалось на Ковалёвском кладбище. А батя пусть без таблеток начнёт засыпать и не сопьётся вконец, пока я буду в гарнизоне дела передавать. Бесплатный сыск, мне кажется, всё равно, что бесплатная медицина. — Леонид горестно махнул рукой. — Оксана, вы курите?

— Да, могу угостить «Мальборо-лайт». — Оксана полезла в свою сумку и достала начатую пачку, — Или вас они не устраивают?

— Нам бы чего покрепче, — улыбнулся Леонид. — Мы с бате́й трубки смолим. Сейчас будем заниматься договором?

— Давайте сделаем так. — Оксана умело закурила от протянутой Леонидом зажигалки. — Договор оформим задним числом, в зависимости от результата. Если мне удастся выполнить заказ в полном объёме, то есть вернуть вам деньги, вы и заплатите сполна. В том случае, если я только лишь назову имя убийцы или убийц, вы платите половину от суммы, сообщённой вам в телефонном разговоре. Гостиничные услуги, расходы на питание, телефонные переговоры будут учтены при расчётах. Если мне не удастся найти преступника, ваши издержки окажутся минимальными. Но совсем обойтись без затрат, поймите, невозможно — по нашему уставу не положено.

— Согласен, — коротко сказал Леонид, про себя прикидывая, где ему взять тысячу долларов — минимальную плату, за которую работал сотрудник агентства такого ранга. Но потом решил пока об этом не думать и принялся за еду. Перекурив, Оксана решила попробовать рябиновую настойку. Владимир Игнатьевич допил остатки водки и закусил малосольным огурчиком.

Транзистор пел «Как упоительны в России вечера», а с портрета на собравшихся смотрела Валентина Матвеевна Максимова. Взгляд её похожих на каштаны глаз был живым, беспокойным, и Оксане стало неловко. Их в комнате явно было не трое, а четверо. Вернее, даже пятеро вместе с попугаем. В прихожей, на коврике, лежала безучастная ко всему Грета, которая даже не взяла от Оксаны заготовленный леденец. Конфета валялась на плетёной циновке рядом с миской.

Валентина, прежде чем идти фотографироваться, посетила парикмахерскую, сделала свежий перманент, старательно накрашила глаза, брови и губы. Отгладила обшитый кружевом воротничок и тёмное строгое платье. И к её наряду, как заметила Оксана, очень шли две белые гвоздики, стоящие рядом в вазе.

— Скажите, а у Валентины Матвеевны были враги? Или, скажем так, явные недоброжелатели? — Оксана никогда ещё не допрашивала потерпевших, одновременно жуя бутерброд с кетой. — Я знаю, вы не раз отвечали на этот вопрос, но вынуждена повторить его. Ей никто не угрожал?

— Вы что?! Конечно, никто! — Владимир Игнатьевич даже обиделся. — Не спорю, бывало, что цапались с соседками из-за пустяков, дулись, сплетничали. Детишек гоняли, которые стены

разрисовывали. Но с кем такого не бывает? А чтобы убить... Нет, мы с такими не водились. И Алине запретили всякую шушеру в дом приглашать.

— Значит, Валентина Матвеевна была осторожна? Не могла открыть дверь первому попавшемуся? — Оксана проглотила кусочек студня и едва не поперхнулась. — Как сказала Алина, дверь не была взломана. Значит, потерпевшая сама впустила убийцу. Такое в принципе возможно?

— Нет, мать впускала только знакомых, — сказал Леонид, который уже устал от этих вопросов. — Я и в милиции, и в прокуратуре заявлял со всей ответственностью, что она кому попало дверь не открывала. Телевизор смотрела, знала, чем это может закончиться. Особенно придирчивой стала, когда продали дачу и машину. Хотели сигнализацию ставить, уже обратились в милицию. Но потом отказались — зачем теперь?

— А если телеграмму, например, принесут? Она тоже не открыла бы? — Оксана хотела окончательно прояснить этот вопрос.

Леонид молчал, только смотрел на портрет, будто по лицу матери мог узнать, как всё произошло на самом деле.

— У Валюшки почтальонка была знакомая. Отделение-то рядом, — живо возразил Максимов-старший. — Я и в милиции то же самое

говорил. А уж если новенький кто придёт, она попросит телеграмму вскрыть и прочесть через дверь. Да никогда Валюшку на такую дешёвку не возьмёшь! Мы с ней много раз обсуждали, как себя вести. Она не кумушка какая-то любопытная... Строго-настрого наказал, чтобы никаким попрошайкам не открывала! Даже агитаторов вон гнала, не то, что всяких подозрительных! К тому же она в тот день больная лежала. Когда жар, не очень-то к двери побегаешь!

— Зря только время потеряли! — зло сказал Леонид.

Он открыл бутылку портвейна и наполнил свою рюмку. Потом вспомнил про других.

— Оксана, батя, как вы? Нет? Ну и ладно...

Леонид выпил и как-то враз захмелел. Оксана, в отличие от сотрудников официальных структур, не была ограничена инструкциями и не вела протоколов. Допрашивать могла и пьяных, и наколотых; с такими легче было работать. Потеряв контроль над собой, они могли выболтать лишнюю информацию, которую в нормальном состоянии непременно утаили бы.

— Разных хватали по этому делу. Но мать никогда такую гопоту не пустила бы на порог! Следователь, Галина Семёновна, лучше всё расскажет. У неё в деле документы подшиты. Ханыга у нас в третьем парадном живёт, два раза

сидел. Его схватили, в «Кресты» окунули и три месяца разрабатывали. Под конец он все теракты на Северном Кавказе готов был на себя взять, не то, что убийство матери. Привезли сюда на следственный эксперимент, а он в квартире совершенно не ориентируется. И где конкретно взял деньги, вспомнить не может. Сперва говорит — под бельём. Потом передумал. Вспомнил, что, вроде, в помойном ведре. Короче, кривлялся до тех пор, пока у Милявской терпение не лопнуло. Пришлось отпускать мужика и сразу же класть в больницу с обострением туберкулёза лёгких. А настоящий убийца только посмеивается где-то, козёл!

Леонид треснул по столу кулаком с выколотым якорем. Мокрые усы его тряслись, глаза горели.

— Оксана, я тебе заплачу, хоть ливер наружу выверну... Найди его! Найди и отдай мне, чтобы я своими руками глотку ему порвал! И пусть судят меня потом, пусть сажают! Мне по барабану...

— Да полно, Лёня, дочка у тебя без матери!

Владимир Игнатьевич обнял сына за плечи, навалился на него всем телом. В открытую форточку ворвался тёплый летний ветер; затрепетали шторы и гардины. Отец и сын Максимовы, как по команде, сняли кители и остались в кремового цвета рубашках с погонами и